

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
ТАРИХИЙ ВА АРХЕОЛОГИЯ ИНСТИТУТИ

ЎЗБЕКИСТОН ХАЛҚЛАРИ МАДАНИЯТИ ТАРИХИДАН

Мақолалар тўплами

ЎЗБЕКИСТОН ССР «ФАН» НАШРИЕТИ

ТОШКЕНТ • 1965

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ УЗБЕКИСТАНА

Сборник статей

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» УЗБЕКСКОЙ ССР

ТАШКЕНТ • 1965

Т. ТАШБАЕВА

К ОБЗОРУ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ИЗУЧЕНИЮ ИЗДОЛЬНЫХ АРЕНД

Каждой общественно-экономической формации свойственны свои специфические формы производственных отношений. В эпоху феодализма одной из важнейших сторон жизни общества являлся институт издольщины. Издольная аренда известна была на Западе и в России, но нигде она не занимала такого значительного места в хозяйстве, как на Востоке с характерным для него орошаемым земледелием.

Издольщина в Средней Азии с самого начала средневековья явилась одним из путей перехода от рабовладельческой формации и общинного уклада к феодализму и бытовала вплоть до конца 20-х годов XX в., т. е. до полного охвата дехканства колхозами. Поэтому вопрос об издольщине очень важен для понимания всей истории средневековья, предреволюционной истории и истории первого десятилетия после революции. А. Ю. Якубовский писал: «Испольщик в сельском хозяйстве... феодального Востока фигура крупная, без нее не понять ни аграрных отношений, ни истории революционных движений большей части областей Передней и Средней Азии»¹. П. П. Иванов отмечал, что сделано очень мало «для того, чтобы систематически проследить, какие именно изменения происходили в этом важном для истории докапиталистических отношений институте даже на протяжении семи-шести последних десятилетий»².

Несмотря на всю важность, вопрос об издольных арендах вплоть до настоящего времени остается слабо изученным. В «Истории народов Узбекистана»³ и «Истории Узбекской

ССР»⁴ встречаем лишь отдельные упоминания об издольщине. Нет ни одного специального исследования, посвященного этому важному феодальному институту, кроме небольшой статьи А. Ю. Якубовского о Переднем Востоке (Ирак)⁵, освещающей очень ранний период. О поздних формах издольщины, интересующих нас, специальных трудов нет.

Однако отдельных сведений об издольных арендах в литературе накопилось много, в том числе и в первых трудах русских исследователей Средней Азии, посвященных хозяйству среднеазиатских народов, в частности Узбекистана.

В труде В. и М. Наливкиных «Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы» отмечено, что «большинство земледельцев обрабатывает чужую землю в качестве временных, однолетних рабочих (чайрикеров или кошчи), частью же в качестве более или менее долгосрочных арендаторов — коранда»⁶. В этой книге приводятся различные условия аренды (из $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{3}$ и $\frac{1}{2}$ урожая), отмечается, что они определяются тем, что вносит в хозяйство издольщик. Ценным является констатация неодинаковости этих условий в различных местностях.

В «Очерках Ферганской долины» А. Ф. Миддендорфа, дающих ценный материал для характеристики хозяйства этого района Узбекистана в XIX в., об издольщине упоминается лишь вскользь, хотя автор отмечает, что «испольное хозяйство существует повсеместно», испольщик-арендатор называется кошчи⁷.

Более подробно институт издольщины в Хивинском ханстве освещен О. А. Шкапским, который указал, что издольщики, известные в других районах Средней Азии как каранда и чайрикер, в Хиве называются ярымчи, так как здесь наиболее распространена аренда из половины урожая, что договоры заключаются по существующим среди населения обычаям. Правильное понимание института издольщины, выражено им словами: «вся выгода от издольщины принадлежит землевладельцам»⁸.

В книге А. И. Шахназарова «Сельское хозяйство в Туркестанском крае» характеризуется лишь такая форма издольщины, когда землевладелец на один сезон дает, кроме земли,

¹ А. Ю. Якубовский. Об испольных арендах в Ираке в VIII в., Советское востоковедение, IV, 1947, стр. 184.

² П. П. Иванов. Из области среднеазиатской хозяйственной терминологии, Известия АН СССР, 1935, № 8, стр. 758.

³ История народов Узбекистана, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1947, стр. 146, 268—269, 448.

⁴ История Узбекской ССР, т. I, кн. первая, Ташкент, 1955, стр. 207—208, 328; т. I, кн. вторая, 1956, стр. 112—114, 216; т. II, 1957, стр. 134.

⁵ А. Ю. Якубовский. Об испольных арендах..., стр. 171—184.

⁶ В. и М. Наливкины. Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. Казань, 1886, стр. 19—20.

⁷ А. Миддендорф. Очерки Ферганской долины, СПб., 1882, стр. 252.

⁸ О. Шкапский. Аму-Дарьинские очерки, Ташкент, 1900, стр. 192.

и все необходимое для ведения хозяйства, а другая сторона — только рабочую силу. Автор совершенно неправ, называя издольщину «формой артельного хозяйства» и считая ее выгодной для издольщиков⁹.

Мало сведений об издольщине и в одной из самых ценных работ о дореволюционном сельском хозяйстве — книге агронома В. Юферева «Хозяйство сартов Ферганской области». Он называет два вида условий аренды — из $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{3}$ урожая — и характеризует издольщиков как «переходную ступень от арендаторов к наемным рабочим»¹⁰.

Более глубокое изучение вопроса об издольщине получил после Октябрьской революции. Социальные преобразования в сельском хозяйстве, особенно в период земельно-водной реформы, требовали строгой дифференциации различных классовых прослоек кишлака. Специальная комиссия занялась тщательным обследованием районов края. Обследование дало сравнительно широкий материал. Результаты его были опубликованы в обширном издании «Современный кишлак Средней Азии» (11 выпусков), восемь посвящены Узбекистану¹¹. Выпуски содержат много материалов по издольщине.

Интересные сведения об издольщине содержатся в книге «Материалы к вопросу о земельных отношениях в Таджикистане»¹². Работа носит такой же характер, что и «Современный кишлак Средней Азии». Авторы дают интересные сведения о бытовавших в тот период на территории Таджикистана различных формах издольщины и приводят данные об условиях эксплуатации сезонных рабочих — годовых, сроковых и поденных.

Заслуживает внимания работа А. Давыдова¹³, содержащая интересный конкретный материал об издольщиках и землевладельцах и о тех видах издольной аренды, которые были распространены в этом районе.

Для характеристики ранних форм издольной аренды большое значение имеют работы советских востоковедов А. Ю. Яку-

⁹ А. И. Шахназаров. Сельское хозяйство в Туркестанском крае. СПб., 1908, стр. 84.

¹⁰ В. Юферев. Хозяйство сартов Ферганской области, Ташкент, 1911, стр. 24, 58.

¹¹ Современный кишлак Средней Азии, вып. I—VI, IX, XI, Ташкент, 1926—1927.

¹² Материалы к вопросу о земельных отношениях в Таджикистане, Душанбе — Ташкент, 1930.

¹³ А. Давыдов. Кокан — кишлакская волость перед земельно-водной реформой, Ташкент, 1926.

бовского и И. П. Петрушевского¹⁴, а более поздних — исследования П. П. Иванова, О. Д. Чехович, Р. Н. Набиева, М. Ю. Юлдашева¹⁵ и других, которые для изучения земельных отношений в Средней Азии привлекли архивные документы, освещающие вопросы издольной аренды в основном позднефеодального времени.

Причина слабой изученности этого важнейшего института заключается в том, что у историков мало конкретного материала для уточнения данного вопроса, так как сведений в нарративных источниках мало, а документы, оформлявшие издольную аренду, пока почти не известны. О. Д. Чехович обнаружила только один такой документ¹⁶. Поэтому нередко историки при определении условий труда издольщиков вынуждены исходить из значения терминов, которые не всегда соответствовали условиям аренды, не говоря о том, что и не раскрывали их полностью¹⁷.

К числу немногих исторических работ, в которых затрагивается вопрос о поздних формах аренды, в частности о бытовании издольных аренд в советское время, принадлежат «Очерки по аграрному вопросу в Средней Азии» Е. Зелькиной. Она отмечает наличие более ста форм издольной аренды

¹⁴ А. Ю. Якубовский. Об испольных арендах...; Он же. Ирак на грани VIII—IX вв., Труды первой сессии арабистов, М.—Л., 1937, стр. 25—49; И. Петрушевский. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV вв., М.—Л., Изд-во АН СССР, 1960; Он же. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX вв., Л., 1949; Он же. Состояние сельского хозяйства в Иране в XIII — первой половине XIV вв., Из истории стран Ближнего и Среднего Востока, Изд-во ЛГУ, 1956, стр. 69—113; Он же. К вопросу о прикреплении крестьян к земле в Иране в эпоху монгольского владычества, Вопросы истории, 1947, № 4, стр. 59—70.

¹⁵ П. П. Иванов. Архив хивинских ханов XIX в., Л., 1940; Он же. Из области среднеазиатской хозяйственной терминологии, Известия АН СССР, 1935, № 8, стр. 745—758; Он же. «Удельные земли» Сейид Мухаммед-хана хивинского (1856—1865), б. м. и г.; Он же. Хозяйство джуйбарских шейхов, К истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI—XVII вв., М.—Л., 1954; О. Д. Чехович. К истории крестьян Бухары XIV в., ИАН, 1959, № 1, стр. 71—76; Она же. Документ к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве, вып. I, Ташкент, 1954; Она же. Бухарские поземельные акты XVI—XIX вв., Проблемы источниковедения, IV, М., 1955; Р. Н. Набиев. Из истории феодального землевладения в Фергане в XVI—XVII веках, Известия АН УзССР, Ташкент, 1959, № 3, стр. 25—34; М. Ю. Юлдашев. Феодальное землевладение в Хиве XIX в. до присоединения ханства к России, Известия АН УзССР, 1959, № 3, стр. 33—47.

¹⁶ О. Д. Чехович. Документ к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве, вып. I, Ташкент, 1954, док. 42.

¹⁷ О. А. Сухарева и М. А. Бикжанова. Прошлое и настоящее селения Айкыран, Ташкент, 1955, стр. 44.

и рассматривает институт издольщины как переходную форму от докапиталистических форм эксплуатации к капитализму. Но задачу свою автор ограничивает «лишь общей характеристикой чайрикерского института»¹⁸.

Из рассмотренного ясна важность этнографического изучения издольщины. Привлечение этнографического материала поможет уточнить недостаточные и порой противоречивые сведения об издольных арендах. Этнографический материал позволяет показать явление изнутри во всей его конкретности. Пожилые люди, в молодости сами бывшие в положении издольщиков, сообщают о том, как это происходило в их собственной жизни, освещают отношения издольщика с хозяином во всех деталях, в их местном своеобразии. Поэтому О. А. Сухарева выдвинула необходимость этнографического изучения этого вопроса и назвала задачи, стоящие перед этнографами, по данной проблеме¹⁹.

К настоящему времени этнографами собран и исследован значительный материал. Несколько работ, в той или иной мере освещающих вопросы издольщины, посвящено таджикскому крестьянству. Это исследования Н. А. Кислякова, М. Рахимова, М. Хамраева, Н. Ершова и др. Все авторы характеризуют издольную сдачу земли крестьянам как наиболее распространенную форму эксплуатации и указывают на множество терминов для обозначения издольщика-арендатора, как и батрака.

Н. А. Кисляков, рассматривая издольщину, правильно полагает, что она могла быть переходной формой от первоначальной формы ренты к капиталистической. Однако мы не согласны с автором в том, что капиталистической арендой является такая, когда крестьянин вынужден был работать менее чем за $\frac{1}{3}$ урожая. Мы считаем, что количественный момент не может служить основой понимания социальной сущности издольной аренды, тем более, что А. Ю. Якубовский указывал для VIII в. еще меньшую долю издольщика: он получал всего $\frac{1}{7}$ часть урожая. Неправильно также связывать появление издольщиков (каранда), сроковых работников (етимов и карори), поденщиков (мардикеров) с капиталистическим процессом обезземеливания крестьянства²⁰. В действи-

¹⁸ Е. Зелькина. Очерки по аграрному вопросу в Средней Азии, М., 1930, стр. 54.

¹⁹ О. А. Сухарева. Этнографическое изучение колхозного крестьянства Средней Азии, Советская этнография, 1955, № 3, стр. 30—42.

²⁰ Н. А. Кисляков. Патриархально-феодалные отношения среди оседлого сельского населения Бухарского ханства в конце XIX — начале XX в., Труды Института этнографии АН СССР, Новая серия, т. LXXIV, М.—Л., 1962, стр. 118, 119.

тельности эти категории неразрывно связаны с феодальной системой эксплуатации.

М. Рахимов отмечает многообразие форм эксплуатации крестьянства, довольно подробно описывает, что получали издольщик и землевладелец, и рисует детали, имевшие большое значение для крестьянского хозяйства, которые могут быть вскрыты только на этнографическом материале²¹.

Н. Ершов отмечает, что «издольщики носили общее название «чорьяккор» независимо от размера получаемой ими доли урожая» и что «основной и более часто встречающейся формой издольщины была..., когда землепашец получал $\frac{1}{4}$ урожая»²².

Имеются исследования, посвященные издольным арендам у узбеков. В небольшой статье К. Шаниязова на этнографическом материале дана краткая, но четкая характеристика всех эксплуатируемых элементов двух карлукских кишлаков Южного Узбекистана²³.

Много интересного материала по издольным арендам содержится в книге О. А. Сухаревой и М. А. Бикжановой «Прошлое и настоящее селения Айкыран». В ней описаны конкретные формы издольщины, их разновидности²⁴. Сделанные ими выводы о несоответствии терминологии с действительными условиями аренды подтверждаются биографиями издольщиков. В диссертации Р. Якубовой приводятся примеры бытования издольщины в советское время вплоть до коллективизации²⁵.

Несмотря на некоторые достижения в исследовании этого вопроса, важность изучения проблемы издольщины говорит о необходимости постановки специальных исследований как на этнографическом, так и на историческом материале. Перед этнографами стоит задача выяснения конкретных различий в условиях издольщины, способа ведения хозяйства издольщи-

²¹ М. Р. Рахимов. Земледелие таджиков бассейна реки Хингоу в дореволюционный период (историко-этнографический очерк), Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР, т. XLIII, 1957.

²² Н. Ершов. Сельское хозяйство таджиков Ленинабадского района Таджикской ССР перед Октябрьской революцией, Душанбе, 1960, стр. 50—51.

²³ К. Шаниязов. К вопросу о социальных отношениях у карлуков Южного Узбекистана в конце XIX — начале XX в., Известия АН УзССР, Серия общественных наук, 1959, № 3, стр. 51.

²⁴ О. А. Сухарева и М. А. Бикжанова. Прошлое и настоящее селения Айкыран, Ташкент, 1955, стр. 43.

²⁵ Р. Якубова. Из истории формирования социалистических производственных отношений в Узбекистане, Автореферат канд. дисс., Ташкент, 1955, стр. 5—6, 9.

ками, реального значения тех или иных терминов, определения специфических форм эксплуатации, причин различий в условиях аренды по районам и в различных отраслях сельского хозяйства. Специальной задачей является изучение издольщины в советских условиях и процесса ее изживания. Материал должен собираться путем записи возможно большего числа биографий издольщиков из разных районов. Только накопление такого материала позволит путем сопоставления отдельных фактов выявить как общие, так и своеобразные местные черты института издольщины.

Такой материал пока еще может быть собран, хотя и с большими трудностями, потому что людей, бывших в прошлом издольщиками, которые могут вспомнить подробности своей работы в хозяйстве бая, с каждым годом остается все меньше, и следует спешить с записью их ценных для науки воспоминаний.

Исследование института издольщины чрезвычайно актуально в наши дни. Если для советского народа изучение издольщины — это изучение его прошлого, то для ряда стран зарубежного Востока издольщина и сейчас тесно связана с их повседневной жизнью, она определяет и поныне положение беднейшего крестьянства, заинтересованного в скорейшем освобождении от этой тяжелой формы феодальной эксплуатации.

М. РУЗИЕВА

О ЗАНЯТИИ ЗЕМЛЕДЕЛИЕМ ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДА ТАШКЕНТА (КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XX в.)

Классики марксизма-ленинизма показали, что вследствие развития городов происходит дальнейшее разделение труда, проявлявшееся в отделении промышленности и торговли от земледелия, города — от деревни¹.

Для понимания процесса развития городской жизни в Узбекистане в прошлом большое значение имеет выяснение вопроса о том, в какой степени городское население занималось сельским хозяйством. Этот вопрос рассмотрен нами на материале г. Ташкента путем изучения занятий населения жилых кварталов Шейхантаурской части, которая являлась центральной и сравнительно более развитой частью города. Кроме этнографических (опросных) данных, были собраны и архивные.

В дореволюционный период в хозяйстве жителей Ташкента значительное место занимало земледелие. Большая часть городского населения, считавшая земледелие своим основным занятием, называла себя дехканами и имела как в городе, так и за его пределами землю, занятую садами и пашнями. Бурнашев и Поспелов², посетившие Ташкент в самом начале XIX в., а также П. И. Пашино³, побывавший здесь в 70-е годы, отмечают, что хлебопашество было главным занятием жителей города. В записке Потанина говорилось, что «хлебопашеством и садоводством жители города Ташкента занимаются тщательно, и благодарная земля с избытком вознаграждает их»⁴. П. И. Рычков⁵, П. И. Пашино⁶, путешественник Шубай

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология, К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 20, 49—50.

² Поездка Бурнашева и Поспелова в Ташкент в 1800 г. с примечаниями Я. Ханькова, Вестник РГО, ч. I, кн. I, СПб., 1851, стр. 29.

³ П. И. Пашино. Туркестанский край в 1866 году, Путевые заметки, СПб., 1868, стр. 130.

⁴ Записки о Кокандском ханстве Хорунжего и Потанина, СПб., 1830, стр. 14.

⁵ Топография оренбургская, ч. I, СПб., 1763, стр. 33.

⁶ П. И. Пашино. Указ. соч., стр., 130.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

С О В Е Т С К А Я Э Т Н О Г Р А Ф И Я

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1926 ГОДУ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

3

Май — Июнь

1975

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва

Т. Ташбаева

**ИЗ ИСТОРИИ АРЕНДЫ (ИЖОРА)
И ТОВАРИЩЕСТВА (ШИРКАТ) В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ
ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО УЗБЕКИСТАНА**

До Великой Октябрьской социалистической революции в Узбекистане господствовали феодальные отношения, поэтому при изучении экономики того периода аграрная проблема является основной.

Для глубокого исследования первоосновы аграрных отношений — социально-экономического базиса общества — большое значение имеет изучение хозяйственной деятельности народа, так как именно здесь формируются общественные отношения.

Как известно, при феодализме вследствие отсутствия или слабости общегосударственных связей в каждой стране и даже в отдельных ее районах складывались локальные варианты социальных отношений. И хотя основные их черты ясны, многие конкретные проявления еще недостаточно раскрыты. Поэтому задачей, остающейся актуальной и в наши дни, является изучение всех тех многообразных форм, которые принимали социальные отношения при феодализме. Сюда относятся такие формы феодальных отношений, как *ижора* и *ширкат* (*шерикство*).

В нашу задачу входит рассмотрение на этнографическом материале ижоры и ширката в сельском хозяйстве Узбекистана в конце XIX — начале XX в.

Для Узбекистана исследование этих вопросов представляет значительные трудности, так как в распоряжении историков недостаточно материала. Хотя в работах отдельных дореволюционных авторов и содержится ценный фактический материал, однако их сообщения, как правило, носят общий характер и не раскрывают сущности аграрных отношений¹. Писали на эту тему и советские авторы, в том числе этнографы². Но в целом вопрос об ижоре и шерикстве не стал пока объектом специального исследования.

¹ В. Наливкин, Очерки земледелия в Наманганском уезде, «Туркестанские ведомости», 1880, № 27; П. П. Шишов, Сарты, «Сб. материалов для статистики Сырдарьинской области», ч. I, вып. XI, 1904, стр. 19; В. И. Масальский, Туркестанский край, в кн.: «Россия. Полное географическое описание нашего отечества», т. XIX, СПб., 1913, стр. 439; Ор. Шапский, Амударьинские очерки, Ташкент, 1900, стр. 130—133; А. Губаревич-Радобильский, Экономический очерк Бухары и Туниса (опыт сравнительного исследования двух систем протектората), СПб., 1905, стр. 32, 33.

² О. А. Сухарева, М. А. Бикжанова, Прошлое и настоящее селения Айкыран, Ташкент, 1955; К. Ш. Шаниязов, К вопросу о социальных отношениях у карлуков Южного Узбекистана в конце XIX — начале XX в. (по этнографическим данным), «Изв. АН УзССР, серия общественных наук», 1959, № 3; Н. Н. Ершов, Сельское хозяйство таджиков Ленинабадского района Таджикской ССР перед Октябрьской революцией, Сталинабад, 1960; Н. А. Кисляков, Патриархально-феодальные отношения среди оседлого сельского населения Бухарского ханства в конце XIX — начале XX века, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. LXXIV, М.—Л., 1962; М. Рахимов, Земледелие таджиков бассейна р. Хингоу в дореволюционный период (историко-этнографический очерк), «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТаджССР», т. XLIII, Душанбе, 1967.

Наше сообщение построено на материалах, собранных во время экспедиции в Андижанскую, Бухарскую, Хорезмскую и Сурхандарьинскую области, сильно различавшиеся в прошлом по своему социально-политическому и экономическому развитию. Так, в экономике Андижанской области, входившей в состав Туркестана, доминировало хлопководство, а в обследованных нами районах бывших ханств — в основном зерновые культуры.

Основное население районов — узбеки, встречаются и представители различных в прошлом родо-племенных групп, например кипчаки, курама (Андижан), мангыты (Бухара). В этих районах проживают также таджики (Бухара), арабы, туркмены (Бухара).

Как известно, в Бухарском и Хивинском ханствах, а до 1886 г. и в Туркестанском крае, как и в других мусульманских странах, формы землевладения и землепользования определялись нормами мусульманского права (шариат). Мусульманское законодательство знает три формы пользования чужой землей: *ижора* — аренда земли за установленную заранее плату, *музориат* (издольщина) — аренда земли из доли урожая и *шерикство* (товарищество). Все эти три формы были характерны для сельского хозяйства дореволюционного Узбекистана.

В исторической литературе термин «аренда» широко применяется для обозначения не только аренды в собственном смысле этого слова, но и издольщины, хотя социальное значение этих терминов различно. Применение термина «аренда» к издольщине, как на это уже указывали историки, носит чисто условный характер³. Собственно аренда могла и не содержать элементов эксплуатации, в то время как издольная аренда (издольщина) представляла собой основную форму феодальной эксплуатации в сельском хозяйстве.

Ижора (в Хорезме — *кесым*, *касм*) представляла собой аренду земли за определенную заранее плату деньгами или натурой⁴. Еще в средние века широкое распространение этого института вызвало необходимость регламентации его мусульманским правом — шариатом. Ижоре посвящен специальный раздел «Хидая»⁵.

В Узбекистане такого рода аренды были двух форм: 1) аренда земли состоятельными людьми для сдачи ее затем крестьянам. В этом случае аренда служила средством получения дополнительной прибыли и 2) аренда земли крестьянами для обработки ее собственными силами. Например, как сообщает С. Хусаинов, 1890 г. рождения, из кишлака Ангарык Хивинского района Хорезмской области, у него с отцом было мало земли и поэтому они в своем же кишлаке брали в аренду (*касм*) четыре танапа⁶ (1,6 га) земли, принадлежащей родственнице хивинского хана Юлпошабечча. Землю они орошали своим чигирем и несли все повинности, которые были связаны с владением землей. Хозяйка земли никаких расходов не несла и получала 40 батманов⁷ (800 кг) пшеницы в год независимо от урожая.

Если арендатор не мог внести арендную плату (например, вследствие неурожая), она переносилась на следующий год. Однако в этом случае хозяин земли имел право отобрать у арендатора землю или по-

³ И. П. Петрушевский, Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV вв., Л., 1960, стр. 286.

⁴ Ижора — буквально наем, аренда, сдача в аренду, внаем, вознаграждение, оплата. См. «Арабско-русский словарь», М., 1958, стр. 28.

⁵ «Хидая. Комментарии мусульманского права», Ташкент, 1893, т. III, кн. XXXI, стр. 257—307. Хидая написана Бурхан аль-Маргинани (из Ферганы) в XII в. Она являлась одним из основных комментариев мусульманского права и в практике определения имущественных отношений играла главную роль.

⁶ Один танап в Туркестане равнялся 0,18 га, в Бухаре — 0,25 га, в Хорезме — 0,40 га.

⁷ Один батман в Хиве равнялся 20 кг, в Ургенче — 40 кг, в Бухаре — 128—130 кг, в Сурхандарье — 160 кг.

требовать через казюя причитающуюся ему плату. В кишлаке Уйрат (Ургенчский район Хорезмской области) Тожибобо (1886 г. рождения) и Н. Оллабергенов (1892 г. рождения) рассказали нам следующий случай: дехканин-арендатор не смог внести арендную плату в указанный срок, и хозяин земли обратился с жалобой к казюю. Арендная плата была записана за дехканином как долг. Кроме того, землевладелец в счет долга собрал плоды с 10 абрикосовых деревьев на собственной земле арендатора, а потом вырубил их. Дехканина заковали в кандалы и увели на строительство дома этого бая до выплаты долга.

Бедные дехканские хозяйства не всегда могли выплатить договорную сумму и поэтому редко прибегали к такой форме аренды⁸. Чаще всего землю в аренду (ижора) брали состоятельные люди. Баи брали в ижора земли у тех крестьян, которые сами не могли обрабатывать свои участки. Так, Рахмат Нигматуллаев (1898 г. рождения, кишлак Гаждумак Гиждуванского района Бухарской области) сообщил, что, получив от отца три танапа (0,75 га) земли, он сдал ее в ижора Саидбаю: 10 соток за 100, 7 соток — за 50 руб.

Часто арендные операции производились вакуфными учреждениями. Как правило, дехкане, сидевшие на вакуфных землях, вносили этим учреждениям определенную плату деньгами или натурой, называвшуюся *ижора хаки* (плата за аренду), а себя они иногда именовали ижорадорами⁹. Например, М. Мадаминов из кишлака Сангар (Хива), имевший два с половиной танапа (1 га) вакуфной земли, которая находилась у него в наследственном пользовании, платил в год по два батмана (40 кг) пшеницы и один батман (20 кг) джугары с каждого танапа. Р. Раимбаев и А. Бакиев из кишлака Гоук (Хива) отдавали за аренду вакуфной земли по два батмана пшеницы и два батмана джугары в год. Абулов из кишлака Ниезмат-Арбоб (Ургенч) платил в год по две тилли¹⁰ за танап (0,4 га) вакуфной земли, занятой садом. Матчанов из этого же кишлака за танап земли отдавал мутавалию мечети Хатиббуво одну тиллю. В кишлаке Туячи (Избасканский район Андижанской области) один дехканин арендовал танап (0,18 га) вакуфной земли за 100 кг риса в год и т. п.¹¹

Арендаторами вакуфной земли выступали также откупщики (ижорадоры) и баи, которые имели орудия производства для обработки до-

⁸ А. Шахназаров, Очерки сельского хозяйства Туркестанского края, СПб., 1898, стр. 50; «Материалы по изучению хозяйства оседлого туземного населения в Туркестанском крае. Сартовское хозяйство в Чимкентском уезде Сырдарьинской области», Ташкент, 1912, стр. 92; Н. Н. Александров, Земледелие в Сырдарьинской области, «Туркестанское сельское хозяйство», 1916—1918, стр. 230 (отд. оттиски); В. В. Юферов, Хозяйство сартов Ферганской области, Ташкент, 1911, стр. 21; М. Вахабов, Формирование узбекской социалистической нации, Ташкент, 1961, стр. 123; К. Сарыбаев, Из истории аграрных отношений в Каракалпакии (конец XIX — начало XX в.), канд. дис., Ташкент, 1964, стр. 176.

⁹ Сообщения М. Мадаминова, 1902 г. рождения (кишлак Сангар Хивинского района Хорезмской области); А. Бакиева, 1896 г. рождения; Р. Раимбаева, 1895 г. рождения (кишлак Гоук Хивинского района Хорезмской области); Б. Абулова, 1885 г. рождения; Ш. Матчанова, 1868 г. рождения (кишлак Ниезмат-Арбоб Ургенчский р-н Хорезмская область); Н. Раззакова, 1888 г. рождения (г. Хива Хорезмской области) и др.

¹⁰ Одна тилля в Хорезме равнялась 9 танга. Одна танга равнялась 15 коп. (курс конца XIX в.).

¹¹ Сообщения А. Маткаримова, 1895 г. рождения (Туячи, Избасканский р-н Андижанской области); Гаибберды Ашматов, 1867 г. рождения, Шералиева Мадалибия, 1878 г. рождения (кишлак Пап, Папский район Наманганская область); Абдимумина Кадиркулова 1883 г. рождения (г.р. Андижан); Нурулло Отаева, 1908 г. рождения (кишлак Гиждуван, Гиждуванского района Бухарской области) и др. А. Кошчанов также сообщает, что с вакуфных земель в Хорезме взималась плата в денежной форме и натурой. Если плата была натуральной, то, как правило, она составляла от полутора до двух батманов зерна в год (причем половина зерна — пшеница и половина — джугара). См.: А. Кошчанов, Из истории аграрных отношений в Хивинском ханстве в конце XIX — начале XX в., Канд. дис., Ташкент, 1967, стр. 93.

полнительной земли¹². Как баи, так и откупщики, раздавали эти земли дехканам на началах издольщины¹³. Такие издольщики подвергались двойной эксплуатации, так как арендатор стремился выколотить из них больше, чем внес сам за аренду.

В сельском хозяйстве Узбекистана существовала также форма производственных отношений, основанная на равенстве сторон, — институт шерикат, или шерикство (товарищество)¹⁴. Как и аренда, она была освящена мусульманским законодательством.

Дехкан, вступающих между собой в такие отношения, называли шерики (компаньоны)¹⁵, а также тенгшерик, тенгуртак (равный, одинаковый).

Шерикство представляло собой старый обычай, генетически связанный с родственной или соседской взаимопомощью, когда стороны объединялись на равных началах. Примером шерикства может служить хозяйственная связь между двумя дехканами в кишлаке Хуфар Сарыасийского района Сурхандарьинской области. Умар Бабакаланов имел 12 танапов (3 га) земли и одного вола. В течение шести лет он был шерик с дехканином из того же кишлака Исой Раджабовым, имевшим приблизительно столько же земли и одного вола. Шерики сообща обрабатывали всю землю, поровну вносили семена и деньги для покупки зубьев для бороны. Весь урожай свозили на один ток и после обмолота делили на две равные части¹⁶.

Бытовало несколько разновидностей шерикства: объединение земли и средств ее обработки, объединение только земли или только скота; в Хорезме, где большая часть земель орошалась с помощью чигирия, пользование общими чигирями.

Когда к шерикству, как к взаимопомощи, прибегали дехканские хозяйства, которые не имели возможностей для самостоятельного ведения хозяйства, оно представляло собой простое кооперирование труда и средств производства (земли, семян, рабочего скота и др.) для совместного пользования.

Рассмотрим пример шерикства трех дехкан, о котором нам также рассказали в Сурхандарье. А. Абдурахманов, 1880 г. рождения (кишлак Хуфар), имевший пару волов, и двое дехкан из этого же кишлака, у которых было по четыре танапа (по 1 га) поливной земли, но отсутствовал скот, стали шериками. На земле работали все вместе и урожай делили на три равные части.

Так, например, Ф. Гадоев, 1893 г. рождения, из кишлака Сангар Сарыасийского района Сурхандарьинской области, имевший одного вола и около 80 танапов (20 га) богарной земли, в течение длительного времени обрабатывал свою землю на условиях шерикства со своим односельчанином Равшанбува, у которого было 24 танапа богарной земли и один вол. Из всей земли ежегодно обрабатывалась только треть. Остальная оставлялась под паром. Шерики работали вместе и урожай делили поровну.

Подобное объединение средств производства и труда дехканских хозяйств описано М. Р. Рахимовым. Он отмечает два типа трудового шерикства.

¹² О. А. Сухарева, М. А. Бикжанова, Прошлое и настоящее селения Айкыран, Ташкент, 1955, стр. 46; Н. А. Кисляков, Указ. раб., стр. 98; О. А. Сухарева, Бухара XIX — начала XX в., М., 1966, стр. 282.

¹³ П. П. Иванов, Архив хивинских ханов XIX в., Л., 1940, стр. 153; Н. А. Кисляков, Указ. раб., стр. 98; О. А. Сухарева, Указ. раб., стр. 282.

¹⁴ «Хидая», т. III, стр. 97—136.

¹⁵ Шарика — букв. быть соучастником, компаньоном. См.: «Арабско-русский словарь», М., 1958, стр. 505.

¹⁶ Сообщение У. Бабакаланова, 1899 г. рождения (кишлак Хуфар).

1. Когда дехканин имеет землю и семена, но у него нет рабочего скота и инвентаря. В таком случае он вступает в шерикство с дехканином, который имеет в достаточном количестве рабочий скот и инвентарь, но мало земли.

2. Когда два или три бедных дехканских хозяйства объединяют землю, рабочий скот, инвентарь и семена для посева. В обоих типах шерик работают вместе и урожай делят поровну. Налог выплачивается каждым в отдельности из своей доли урожая¹⁷.

В. Наливкин описывает и другой вид шерикства: один дехканин дает землю, другой — семена. Каждая из сторон в равных пропорциях представляет рабочий скот, «пашут вместе, затем вместе... ухаживают за посевами, поливают, полют, молотят...»¹⁸. По нашему мнению, автор в данном случае или что-то не понял, или описал нетипичный случай, так как, по всей вероятности, тот, кто внес семена, должен был или больше работать, или каким-то другим путем компенсировать предоставленный другой стороной более ценный вклад — землю, тем более, что, по словам самого автора, земля в описываемом районе ценилась высоко.

Формы трудового шерикства не имели широкого распространения¹⁹. Особенно редко они встречались в Фергане, так как там было много дехкан, лишенных основных средств производства, в связи с чем они не могли вступать в отношения шерикства, предусматривающего объединение на равных основаниях. В ханствах, по сравнению с Туркестаном, шерикство было распространено более широко. Почти обо всех случаях трудового шерикства нам рассказали в районах бывших ханств. Из девяти информаторов в Сурхандарье пятеро прибегали к шерикству, причем в четырех случаях в их отношениях не было элементов эксплуатации²⁰.

К шерикству относилась также *супряга*.

Супряга — это объединение в одну упряжку рабочего скота разных хозяйств (для обозначения супряги, кроме общепринятого термина *шерик*, в разных районах употреблялись также термины *алгоу*, *кош*, *хам'юк*, *тегиш* и др.). Так как в Средней Азии для пахоты, боронования и других сельскохозяйственных работ требовалась упряжка из двух животных (как правило, волов), крестьянин, имеющий только одного вола или одну лошадь, должен был для работы получить второе животное. Такое объединение было наиболее часто встречающейся формой шерикства для всего Узбекистана, о чем свидетельствуют литература²¹ и сообщения наших информаторов.

При супряге земля, принадлежащая шерикам, обрабатывалась каждым из них по очереди, на равных основаниях. М. Пирматов, 1900 г. рождения, из кишлака Туячи (Избаскан) сообщил, что его отец имел одного вола и поэтому вступал в алгоу с кем-нибудь из своих соседей, также имевшим одного вола. Р. Халиков, 1892 г. рождения, из кишлака Бидодан Гиждуванского района Бухарской области вступал в супрягу (хам'юк) со своим односельчанином Хусеином. По сообщению М. Каландарова, 1891 г. рождения, из кишлака Шейх Мавлон Кият (Хивин-

¹⁷ М. Р. Рахимов, Указ. раб., стр. 116—118.

¹⁸ В. Наливкин, Указ. раб.

¹⁹ М. Вахабов, Указ. раб., стр. 123.

²⁰ Сообщения У. Бабакаланова, 1899 г. рождения, А. Абдурахманова, 1880 г. рождения (кишлак Хуфар), Ж. Нурова, 1884 г. рождения (Чукур), Ф. Гадоева, 1898 г. рождения (кишлак Сангар Сарысайского района Сурхандарьинской области).

²¹ В. Наливкин, Указ. раб.; Л. Костенко, Земледельческая производительность Средней Азии, «Туркестанские ведомости», 1870, № 17; А. А. Шишов, Указ. раб., стр. 150; В. И. Массальский, Указ. раб., стр. 439; А. Губаревич-Радобильский, Указ. раб., стр. 32, 33; «История народов Узбекистана», т. II, Ташкент, 1947, стр. 251; М. Рахимов, Указ. раб., стр. 117; Н. А. Кисляков, Указ. раб., стр. 142.

ский район Хорезмской области) его братья для обработки земли объединяли скот с кем-нибудь из соседей.

В том случае, когда у двоих шериков площадь обрабатываемой земли была разная, скотом каждый пользовался все равно одинаковое число дней²². Тот, у кого земли было меньше, мог использовать упряжку по своему усмотрению (дать ее родственникам и т. д.)²³.

Супруга также использовалась баями как средство эксплуатации. Иногда дехканин объединял скот с баем, отдавая ему за пользование волом определенную долю урожая или отработывая определенное число дней²⁴. К супруге прибегали и издольщики, не имевшие своего рабочего скота, если они получали от землевладельца только одного вола²⁵.

К одной из форм шерикства следует отнести и распространенное в Хорезме совместное пользование чигирем. Соседние хозяйства общими усилиями покупали чигирь или сообща платили за его изготовление, приглашая мастеров на дом — это обходилось дешевле. В такие шерикства объединялись чаще всего от трех до пяти, а иногда даже до семи—восьми хозяйств.

По принципу шерикства дехкане в Хорезме объединялись и для обязательных работ по очистке ирригационных каналов (казу)²⁶.

Древнейший обычай взаимопомощи и выросший из него институт шерикства богатые землевладельцы использовали в эксплуататорских целях, прикрываясь формой товарищеских отношений. В литературе приводятся примеры такого шерикства, когда один шерик передает землю и средства ее обработки другому, который и выполняет всю работу. Подобные примеры приводили и наши информаторы. Хотя в народе эти отношения и называли шерикством, по сути дела они являлись не чем иным, как настоящей издольной арендой. Здесь отсутствовали основные признаки шерикства — равноправное товарищество и равенство сторон.

По социальному признаку отношения шерикства можно подразделить на два вида: 1. Между дехканами, когда стороны выступали как равноправные. В этом случае это было простым кооперированием труда и средств производства для совместного пользования. 2. Между дехканами и баями. В этом случае оно являлось формой эксплуатации дехкан.

Из изложенного выше следует, что в конце XIX — начале XX в. институты ижоры и шерикства были характерны для сельского хозяйства Узбекистана. Естественно, что в кратком сообщении нет возможности охватить все варианты обоих институтов. Предлагаемое сообщение — лишь первые шаги в специальном их исследовании.

Поскольку письменных источников по затронутым вопросам крайне мало, необходимы широкие этнографические исследования, которые охватили бы разные типы хозяйств на всей территории Узбекистана и выявили бы различия в этих институтах.

²² Н. А. Кисляков сообщал о пользовании шериками упряжкой в течение двух дней. См. Н. А. Кисляков, Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахиобода, «Труды Ин-та антропологии, этнографии и археологии АН СССР», т. X, М.—Л., 1936, стр. 30.

²³ Сообщения Сафара Раджабова, 1883 г. рождения (Гиждуван Гиждуванский район Бухарской области); Шермата Ульжабаева, 1907 г. рождения (кишлак Туячи Избасканского района Андижанской области); Мамадали Умарова, 1886 г. рождения (кишлак Кукунбай Ферганского района Ферганской области).

²⁴ Сообщения Д. Ахмедова, 1896 г. рождения (кишлак Туячи); И. Амонова, 1883 г. рождения (Гаждумак), Р. Узакова, 1895 г. рождения (Гамхур); Т. Хамраева, 1900 г. рождения (Янги-Рабат Гиждуванский р-н, Бухарская область) и др. См. также М. Р а х и м о в, Указ. раб., стр. 119, 120.

²⁵ Сообщения Р. Узакова, А. Хожиева, 1891 г. рождения (Уба, Гиждуванский р-н, Бухарская область).

²⁶ Я. Г. Гулямов, История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней, Ташкент, 1957, стр. 263, 264; А. Кошчанов, Указ. раб., стр. 180; сообщение Дж. От. Оташева, 1897 г. рождения (г. Ургенч).